

Роман Виктюк с журналистами не церемонится. К нам, чуть припозднившимся и с размаху влетевшим в гостиную Дома актеров, маэстро отнесся как к нашкодившим студентам, для которых как раз давал один из своих открытых уроков.

— Вы восхищаетесь мужской природой или хотите лучше познать женщин, переодевая в них мужчин, как, например, в «Служанках»?

— Я исполнил волю самого создателя пьесы Жана Жене, который завещал играть «Служанок» только мужчинам. В античном театре справедливо считалось, что постичь природу женщины способен лишь мужчина. Ведь женщина — загадка. Как только режиссер или драматург подходит к краешку ее тайны, женщина моментально закрыва-

ется. У нее есть масса уловок, ухищрений, чтобы не подпускать к той сердцевине, где сокрыта тайна. Поэтому Жене считал, что мужчина в силу своей интуиции имеет смелость проникнуть в ее глубины. Чтобы изобразить женщину, необязательно ею переодеваться и по-обезьяньи копировать женские ужимки.

— Вы завораживаете зрителей яркими образами, неожиданными деталями...

— Нельзя садиться за рояль, не зная нотной грамоты. Так и в наш театр не приходят, не представляя нашей специфики, не будучи к ней причастными. Искусство создано только для тех, кому оно нужно. Мне ненавистна теория, которая предлагает за уши тянуть в культуру. В христианстве насилие недопустимо. Кто к вере приходит, тот счастливый человек, кому она не нужна —

БОМОНД

ВИКТЮК ПРОРОЧИТ СТРАШНЫЙ СУД

ущербны. И как Христос ждет, что мы к нему придем, искусство должно ждать, насколько в обществе вырастет потребность в духовном росте.

— И тем не менее искусство все ярче окрашивается в голубоватые и розоватые тона...

— Жизнь настолько многогранна, что все цвета радуги должны равноправно входить в нее. Выделение одного цвета — прерогатива тоталитарного государ-

ства, а не демократического.

— Вы питаете интерес к мифам, тайнам. Говорят о том, что вас вдохновила история любви Марины Цветаевой к двадцатилетней актрисе Соне Холидей. Есть повод сорвать очередную маску лицемерия?

— С тех, по чьей вине долгие годы были запрещены самые нежные, трогательные стихи Марины Цветаевой. Она искренне любила юную актрису и не скры-

вала этого, посвящала ей стихи, прозу. Она оставалась человеком страсти, а страсть не знает границ и пола.

— Признайтесь, вы стараетесь зафиксировать ненормальность мира как реальную действительность?

— Думаю, что вообще весь мир давно сошел с ума. Цивилизация поглотила человека, который рассматривается как средство, а не цель. И прагматизм, который в результате цивилизации сегодня очевиден, убивает в человеке самое главное — дух. Достоевский замечательно говорит о том, что Бог умер. Но на его святое место всегда что-то претендует. Фантомом, пришедшим на место Бога, оказались расчет и деньги. И в конце века нужно кричать, что гибнет человек. В результате цивилизации мы становимся механизмами, которые от страха и одиночества

сталкиваются друг с другом, какие-то железки и колесики трещат, а основная музыка — скрип железа. От столкновения автоматов не возникает музыки небес. Поэтому наш век плебейский, век зависти, зла и ненависти. Человеку хрупкому, беззащитному выжить невозможно.

— Кто мы, по-вашему?

— Изгнанные. Казнь еще предстоит, когда будет Страшный Суд. Если мы не опомнимся, то природа, давшая нам шанс доказать свое право на существование, может нас остановить. Земля — испытание для нас. Мы доказываем, что выдержать его не можем. Поэтому каждый спектакль для меня — это тоска по раю, в который мы никогда не вернемся.

Олеся ХОЛОВОДА,
Богдан ЖЕЛТОБРЮХ